

ФИЛОСОФИЯ ПОЧВЕННОЧЕСТВА: ВЗГЛЯД НА «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

© Иванова С.И.¹

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

В работе рассматривается оформление «польского вопроса» в трудах философов почвеннического направления: Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского. Они впервые подошли к рассмотрению польской проблемы сквозь призму понимания русской национальной идентичности.

Ключевые слова: «польский вопрос», почвенничество, национальная идентичность, Россия, Запад.

Шестидесятые годы XIX века открыли новую эпоху русской жизни. Неудачная для России Крымская война стала важным рубежом в развитии славянофильского движения этого периода. Недовольство и разочарованность существующей государственной политикой и идеологией переросло в потребности переосмысления прошлого, устранения противоречий, поиска национального и социокультурного самоопределения. В то же время, русское общество остро почувствовало в западных народах врага. Нашествие Наполеона, события Крымской войны показали враждебность Запада России и славянству в целом, и вызвали в русской общественности, особенно славянофильской направленности, устойчивое мнение о том, что Запад опасен для России, и необходимо ослабить его влияние на славянский мир. По словам известного мыслителя В.В. Зеньковского: «В этой войне впервые славянское самосознание было остро поражено глубокой ненавистью со стороны Запада к славянству; столкнулось целых два мира, и отсюда понятно, что Россия была страшна и ненавистна Западу не одной своей мощью, но все увеличивающимся ее влиянием на славянство» [1, с. 64]. В связи с этим, обострилась актуальность дилеммы Россия – Запад. Вся сложность этой проблемы состояла в том, что с одной стороны существовала тесная связь России с Западом и невозможность изолировать себя от него, а, с другой стороны, была неоспорима русская самобытность и необходимость поиска своего собственного пути развития.

Наиболее ярко эта проблема проявилась в сложных русско-польских отношениях. Территориальная близость, славянское родство, но огромная разница в культурных традициях православной России и католической Польши, предопределили тесную связь и непреодолимые противоречия между

¹ Преподаватель, кандидат философских наук.

ними. Польша предстала для России славянским вариантом европейской культуры и цивилизации, мостом между Востоком и Западом, приковывая к себе пристальное внимание русских политиков и мыслителей.

Между тем, сам образ Польши оценивался русским общественным мнением неоднозначно. Так, в период после трех разделов Польши и вхождения в состав Российской Империи, она рассматривалась как неотъемлемая часть славянского мира, пусть «неверная» и католическая. Это стало причиной сочувственного отношения России к Польше. Только та часть Польского государства, которая отошла к Российскому государству сохранила свое имя и некоторую автономию в виде Царства Польского в составе Российской империи, а 1815 году поляки получили от Александра I Конституцию, которой не имела сама Россия. Этот факт вызывал самые противоречивые чувства в среде русской интеллигенции, возможно обострившие взаимную неприязнь славянских народов.

После польских восстаний 1830-1831 гг. и особенно 1863-1864 гг. восприятие Польши русской общественностью заметно усложнилось. Открытое давление со стороны Англии, Франции и Пруссии, угрожавших России новой Крымской войной, а также притязания поляков на восстановление «Великой Польши от моря до моря», изменили суждения о Польше, повлекли за собой решительные военные действия со стороны русского правительства и осуждение польских повстанцев со стороны общественного мнения. В этот период Польша начинает ассоциироваться с враждебным образом Запада. Революционные события в Польше вызвали необыкновенный подъем антипольских настроений во всех слоях русского общества. Как вспоминал Н. Страхов: патриотизм в обществе «заговорил очень горячо». Этому особенно способствовали патриотические газеты «День», «чрезвычайно полезная своими толкованиями» событий и «Московские ведомости», поддерживающие «своими энергичными статьями» все решения правительства. Только «Колокол» Герцена, издававшийся в Лондоне, бросил клич в поддержку польских повстанцев: «За вашу и нашу свободу!», и, поэтому, «навсегда упал в мнении читателей». Демократически настроенный «Современник» молчал, не решаясь открыто поддержать этот лозунг [2, с. 246].

В этой сложной политической ситуации появляется статья «Роковой вопрос» Н.Н. Страхова, опубликована в журнале «Время» 1863, № 4, стоявшая журналу закрытия, несмотря на то, что его ведущими авторами и редакторами были братья Достоевские. А спустя шесть лет был опубликован знаменитый труд Н. Данилевского «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому», на страницах журнала «Заря» в 1869 г. (№ 1-6, 8-10), редактором которого являлся тот же Н.Н. Страхов. Появление этих трудов можно считать вполне закономерным, так как в них делается попытка обосновать, с одной стороны, русское своеобразие и собственный путь развития России в мировом

историческом процессе, а с другой, разрешить проблему отношения России к Западу и его культуре.

Первым к идее «борьбы цивилизаций» пришел Н.Н. Страхов в своей статье «Роковой вопрос». Несмотря на то, что содержание статьи Страхова было связано с польским восстанием и она почти сразу вызвала взрыв негодования со стороны патриотически-настроенной общественности, в статье не было никаких конкретных политических рецептов решения «рокового вопроса». Все дело в противоречии между «отвлеченным» характером статьи и живыми событиями, острой актуальностью «польской темы», благодаря чему, она, по словам Страхова, была «превратно понята» взбудораженным общественным мнением. Он впервые подошел к рассмотрению польского вопроса с абстрактно-отвлеченной, философской точки зрения, не вполне понимая, какой резонанс получают его размышления в том конкретном историческом контексте. Уже в начале статьи автор указывает на неверную точку зрения в рассмотрении «польского вопроса», за ним, пишет он, мы видим лишь политический конфликт, противостояние двух государств, но проблему надо рассматривать гораздо глубже, не в политическом, а в цивилизационном ключе. Чтобы разобраться в «польском вопросе» следует взять воедино две проблемы: взгляд поляков на нас и наш на поляков. Оба вопроса аккумулированы в так называемую проблему самоидентичности, национального самосознания.

Поляки сознательно выделяют себя из славянской семьи и главная причина этому – их изначальная принадлежность к европейской культуре через католические традиции. Автор подтверждает, что эти притязания вполне обоснованы, вся их история доказывает право польского народа «считать себя в цивилизации наравне со всеми другими европейскими народами». Вместе с другими европейскими народами Польша приняла католичество, «в науках, в искусствах, в литературе, вообще во всех проявлениях цивилизации, она постоянно брталась и соперничала с другими членами европейской семьи никогда не была в ней членом отсталым или чужим» [3, с. 37]. Это вдохновляло поляков на борьбу с Россией, которую они воспринимали как менее развитую страну, поработившую высокоразвитый народ: в этом они черпали духовные силы, в сознании действительной причастности к европейской цивилизации. Философ приходит к выводу, что противостояние Польши и России, есть ничто иное как столкновение двух культур, борьба двух цивилизаций, Запада и Востока, «народа цивилизованного» и «варваров» [3, с. 37].

Но, если Страхов сформулировал только общие идеи противостояния России и Запада, то Данилевский сумел оформить разработанную, обоснованную национальную концепцию. В основе его теории лежит утверждение многообразия человечества через культурно-историческое своеобразие народов и цивилизаций, при этом Россия занимает важное место в мировом

цивилизационном процессе. Автор указывает на коренные различия западной и восточной цивилизаций и подчеркивает враждебное отношение Европы к России и всему славянскому миру. «Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации», – утверждает философ [4, с. 73-74]. Главная причина этой вражды, по мнению Данилевского, состоит в сопротивлении славянства европейскому мессианизму: «она – не только гигантски лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, т.е. европейской, или германо-романской, цивилизации. Этого взгляда, собственно, и держится Европа относительно России» [4, с. 85]. Процесс распространения западного влияния на славянские народы философ называет «европейчаньем». По его мнению, оно губительно действует на весь славянский организм, «постоянно истощая его, лишая его производительных сил» [4, с. 239]. От этой болезни пострадала и Польша. Поляки, как и многие другие западные славянские племена, подвергались сильному политическому и культурному влиянию германо-романского культурного типа. Сохранив свою политическую самостоятельность, Польша «более всех подчинилась нравственному культурному господству Запада», таким образом, «сохранив до поры до времени свое тело, потеряла свою славянскую душу» [4, с. 521].

Придерживаясь почвеннических позиций, с точки зрения которых, духовная основа жизни народа заключается в почве, некой сущности народа, источнике его жизненных сил и органических проявлений, Страхов и Данилевский увидели глубинные противоречия уже в самой основе польской цивилизации. Страхов называет ее «заемной» и «внешней», так как в Польше «оцивилизован» был только высший класс, именно он творил польскую культуру, а простой народ, неграмотный, забитый оказался во вне этой культуры, был оторван от нее. Поэтому в Польше не сложилось единства культуры с элементами народной жизни, и, следовательно, она не могла иметь той силы, которую должна иметь всякая крепкая и «правильная» цивилизация. Европейская цивилизация, утверждает автор, благоприятна только для европейских народов, так как она накладывается на плодотворную европейскую «почву», а в Польше, «именно потому, что поляки – славяне», эта цивилизация не нашла опоры для самобытного развития и была обречена, с самого начала, «нести смерть в своем корне» [2, с. 257].

Данилевский же подверг критике государственное существование Польши, по его мнению, оно сопровождалось «отсутствием всякого политического смысла», как во внутривнутриполитической, так и внешнеполитической жизни [4, с. 528]. Пересаженные на чуждую, не свойственную им польско-славянскую почву, все европейские политические явления и институты приобретают не характерные им очертания, то есть, по словам Н.Я. Данилев-

ского, «обращаются в уродства». Аристократизм, «произведший в Европе рыцарство», способствующий политическому развитию и промышленным достижениям Запада, в Польше «обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в быдло». Демократизм и революция, уничтожившие многие злоупотребления и установившие свободные государственные учреждения в Европе, «производили в Польше только сеймики, конфедерации, «не позволяя», народный жонд, кинжалщиков и жандармов-вешателей» [4, с. 427]. Во внешнеполитической жизни роль поляков представляется не менее спорной. Активная помощь Западу в проведении европейской захватнической политики на Востоке, стремление «угнетать другие народности, лишая их не только политической жизни, но и всякой свободы, религиозной и бытовой», «смуты, производимые в соседних государствах и, наконец, измена собственному племени достаточно доказали неспособность поляков к государственной жизни» [4, с. 253]. Таким образом, по мнению философов-почвенников, отрыв культурной и политической жизни поляков от народной основы, утрата ими опоры для самобытного развития, одним словом, беспочвенность польской цивилизации, и есть главная причина гибели польского государства.

Не менее важным фактором, искажающим польский народный характер, являлась, по мнению русских философов, католическая религия. Данилевский Н.Я. не раз упоминает о том, что в отличие от романо-германского исторического типа, «религиозное учение не скользит у славянских народов по поверхности, а способно выказать на его благодарной ниве вполне все, что в нем заключается; причем посеянное зерно, смотря по его специфическим особенностям, вырастает в добрый плод – или в плевелы и волчцы» [4, с. 517]. Последнее и случилось с польским народом. Чуждая славянскому духу латинская вера привела к искажению религиозности поляков и распространению таких пороков, свойственных западному миру, как религиозная нетерпимость, фанатизм, иезуитство. Но Польша не просто «изменила славянским началам», но стала, по словам автора, «вредным членом славянской семьи», скрепив эту измену постоянными войнами с Россией и колонизацией западнорусских земель. То есть, по сути дела, стала верным союзником Запада в деле духовного мессианизма в славянских землях.

Страхов развивает идею польского культурного мессианизма. Глубокая вера Польши в принадлежность к высокой европейской культуре и в идею абсолютного превосходства европейской культуры, определила ее притязания нести цивилизацию другим народам, исполнять «миссию цивилизованного народа среди варваров» [3, с. 41]. Как представители высокой культуры, сообщает Страхов, они постоянно были заняты распространением этой культуры в прилежащие славянские страны. Колонизация охватывала не только Малороссию и другие приграничные к Польше территории, но и «сама Москва подвергалась попыткам ополячения и латинизирования».

Здесь можно говорить о том, что полонизация, по сути дела, была равносильна европеизации, а Польша – достойная представительница Великой Европы, выступала плацдармом вселенской миссии Запада.

В чем же русские увидели «точку опоры» в своей борьбе с поляками? Оба философа подчеркивают, что для решения «польского вопроса» необходимо сначала излечить от западного влияния, «европейчанья» саму Россию. «Обезнародывающие» реформы Петра I, направленные на изменения «в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе», по мнению Н. Данилевского, нанесли «величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело)» [4, с. 296]. Вся русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад, но главное, исказилось само понятие об истинно русском, народном, пострадали самые основы русской жизни, да так, «что даже в счастливые периоды национальной политики (как внешней, так и внутренней) русским считалось нередко такое, что вовсе этого имени не заслуживало» [4, с. 297]. Преобразования раскололи русское общество на высший слой, который стал полностью европейским и низший, который сумел сохранить русские черты, народный дух и народное достоинство, но пренебрежение всем русским, по мнению Данилевского, может привести к скорому умиранию русского духа. Поэтому, продолжая эту мысль, Страхов призывает избавиться от всего внешнего, общеевропейского, «наносного и прививного» в русской культуре, не имеющего духовных оснований и вернуться к «почве». И тогда мы смогли бы достойно ответить на вызов поляков, показать, что с ними «борется и соперничает не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твердая, наша русская цивилизация» [3, с. 44]. Эта позиция хорошо отражает основную идею почвенников. Если славянофилы видели духовную основу русской цивилизации в православии, и связывали возрождение русского общества с возвратом к истинному христианству, то почвенники сместили акценты с православия на русскую народность и почву, которая составляет основу жизни народа. Почвенники полагали, что народная жизнь заслуживает бережного к себе отношения не потому, что она является носителем христианских ценностей, а просто потому, что ценна сама по себе, а почва – выступает как основа народности, определяя ее самоидентичность и самобытность развития.

Но, если Страхов выделял идею всечеловеческого синтеза, как главную задачу, стоящую перед Россией, что именно русская земля, сохранив самобытность, народные начала и, впитав в себя лучшие достижения европейского просвещения, «будет новым словом общечеловеческой цивилизации и выразит собою цивилизацию всего славянского мира» [2, с. 251], то теория Данилевского лишена этой задачи. Центральной же идеей философа становится обоснование самобытности и самостоятельности именно славянского культурного типа. Россия «не причастна ни к европейскому добру, ни к ев-

ропейскому злу», – неоднократно подчеркивает автор. Россия должна осознавать и оберегать свою культурную самостоятельность и свое особенное, отличное от европейского историческое предназначение, а именно: «Для всякого славянина... после Бога и Его святой церкви, – идея Славянства должна быть высшей идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления, – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства» [4, с. 151]. По словам В.В. Зеньковского: «он глядит на Европу как бы с другого берега». Данилевского мало волнуют недостатки и теневые стороны европейской культуры, так как «он чувствует себя стоящим на почве иной культуры, чем та, которой живет Европа» [1, с. 70].

Ведущую роль и значение в славянском культурно-историческом типе Н. Данилевский отводит именно России, которая сохранила для славянства все то, что оно само не смогло сохранить. Как отмечал Данилевский, если обратиться к политической стороне вопроса, к тому, «насколько славянские народы выказали способности к устройству своей государственности, мы встречаем явление, весьма не ободрительное... все славянские народы, за исключением русского, или не успели основать самостоятельных государств, или, по крайней мере, не сумели сохранить своей самостоятельности и независимости» [4, с. 519]. Именно Россия выступала как главный носитель и хранитель православия во всем славянском мире, основные достижения в культурном развитии тоже принадлежат России: «прочие славянские народы ... не представляют, правда, чего-либо выходящего из ряда вон в области искусства и литературы» [4, с. 453]. Следуя своей теории, Н. Данилевский выдвигает проект создания Всеславянской федерации со столицей в Константинополе, но при условии ведущей в нем роли России. Данилевский говорит о том, что не следует пытаться разрешить польскую проблему «вне общего решения всех славянских вопросов», так как, несмотря на все искажения и противоречия, Польша продолжает оставаться славянским государством. Единственно возможное будущее для Польши он представлял только в составе славянского союза: она будет сохранять независимое существование, но не сможет нанести вред России, так как «всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего Славянства (одну из составных частей которого она сама бы составляла), было бы, следовательно, изменою против самой себя» [4, с. 429]. Кроме того, соседствуя с другими славянскими народами, Польша сможет укрепить свои славянские корни, свою почву, что поможет ей избавиться от губительных европейских черт и вернуться к самобытному развитию в рамках славянского культурно-исторического типа.

Так чем же является Польша для России? В трудах почвенников Польша – это урок-предостережение того, что ждет славянские народы, рискнувшие предать почву, встать на чуждый путь западного развития. Польша

выступает как жертва губительного влияния Европы на славянское начало, пример вероятной судьбы России, если она не изменит отношение к себе, своей культуре, своим цивилизационным особенностям. Но главное значение Польши все же не в этом, а в том, что она становится точкой опоры в нашем поиске специфики собственного национального самосознания, идентичности. «Нельзя найти «идентичность» своей собственной культуры (сколь бы разнообразной она не была), пока глубоко и досконально не познакомишься с другой культурой, вплоть до того, что реакция на это знакомство обновит все твое существо» [5, с. 43], – отмечает известная исследовательница А. Вежбицкая. Это высказывание как нельзя лучше иллюстрирует понимание того, чем являлся образ поляка в русской национальной культуре. Противопоставление себя Польше, польской культуре помогает нам понять: что такое русская культура? «Что такое мы, русские?».

В своей статье Н.Н. Страхов сознательно подчеркивает блеск и достоинства польской культуры, подробно описывает ее достижения, ссылаясь на Киреевского: «Польская аристократия в XV и XVI веке была не только самой образованной, но и самой блестящей, самой ученой в Европе. Основательное знание иностранных языков, глубокое изучение древних классиков, необыкновенное развитие умственных и общежительных дарований удивляли путешественников и составляли всегдашний предмет реляций наблюдательных папских нунциев того времени» [3, с. 38]. При этом автор не забывает многовековую связь Польши с католическим Западом, влияние которого стало определяющим и культурно плодотворным для нее. То есть мыслитель, как бы дистанцируется от своего этноса, смотрит на Польшу сопереживательно, чтобы вторично пересмотреть свой взгляд на Россию и русский народ: «Не будем обманывать себя; постараемся понять, каким взглядом должны смотреть на нас поляки и даже вообще европейцы» [3, с. 38]. В этом заслуга философа: противопоставляя себя западной, хотя и славянской цивилизации, другим духовным ценностям мы обретаем, другое понимание своей русской самобытности, национальной идентичности.

Процесс поиска собственного места в мировой истории труден и противоречив. Несомненно, важным остается сохранение и развитие самобытности, национального своеобразия в культурном творчестве народов. В этом отношении велика общественная заслуга славянофильской «умственной борьбы с Западом», борьбы против заимствований, «неорганического» перенесения чужого в свое. Но увлечение славянофилами идеей о великом историческом призвании русского народа сыграло не только позитивную, но и негативную роль в истории России, поскольку реальная жизнь представлялась им не стоящей внимания и лишенной какой бы то ни было ценности. Это признавал Страхов: «Все знают, – как высоко ценят славянофилы русский народ, какие великие ожидания они на него возлагают, какие огромные силы ему приписывают. И вот именно в силу этих великих ожиданий и требо-

ваний наше умственное движение является им мелким и скудным» [6, с. 6-7]. Но не следует забывать, что все мы, хотим мы этого или нет, являемся частью общечеловеческой культуры, а отрицание этого неизбежно ведет к появлению ложного национализма, основанного на субъективных симпатиях, пропагандирующего национальные культурные достижения не потому, что они хороши, а потому, что они свои, вольной или невольной мифологизации.

Наиболее верно по этому поводу сказал русский мыслитель Г. Флоровский, анализируя взгляды славянофилов: «Лишь на почве вселенских, безусловно, общезначимых начал возможна подлинная культура, и национальная задача славянства может лежать лишь в активном обращении себя на служение ценностям, которые будут избраны за высшее благо в свободном подвиге мысли и веры. И в этом смысле даже народное самоотречение есть подлинное самоутверждение национальности, более высокое проявление национальной самостоятельности, чем покорное следование отеческим заветам. Отрицание же всемирного исторического пути есть шаг к нигилизму, к полному растворению ценностей, должного в фактах, в наличном, т.е., в конечном счете, к упразднению категории ценности вообще» [7, с. 49].

Список литературы:

1. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.
2. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. – СПб., 1883. – 375 с.
3. Страхов Н.Н. Россия и славянство. Роковой вопрос // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 37-50.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Известия, 2003. – 607 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 290 с.
6. Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы. Критический и исторический очерк. – СПб., 1868. – 73 с.
7. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.